

З. К. Тарланов

СИНТАКСИС РУССКОГО ЯЗЫКА: УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КУРС

УЧЕБНИК ДЛЯ БАКАЛАВРИАТА И МАГИСТРАТУРЫ

2-е издание, исправленное и дополненное

*Рекомендовано Учебно-методическим отделом высшего образования
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по гуманитарным направлениям*

**Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru**

Москва ■ Юрайт ■ 2018

УДК 811.161.1(075.8)
ББК 81.2.Рус-2я73
Т20

Автор:

Тарланов Замир Курбанович — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северного филиала Всероссийского государственного университета юстиции (г. Петрозаводск). Заслуженный деятель науки Карельской АССР, член Союза писателей России, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Рецензенты:

Акимова Г. Н. — доктор филологических наук, профессор;
Колесов В. В. — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Тарланов, З. К.

Т20 Синтаксис русского языка: университетский курс : учебник для бакалавриата и магистратуры / З. К. Тарланов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2018. — 389 с. — (Серия : Бакалавр и магистр. Академический курс).

ISBN 978-5-534-07100-9

Предлагаемый учебник представляет собой систематическое изложение университетского курса синтаксиса русского языка в его современном состоянии, сопровождаемое краткими, но достаточными и системно увязанными комментариями исторического плана.

Важнейшая задача предлагаемого издания — представить русский синтаксис в процессе его непрерывного развития и обновления, в совокупности его современных синтаксических средств и возможностей, истории их зарождения и закрепления в качестве общеязыковых фактов. Русский синтаксис рассматривается и излагается с трех аспектов, во-первых, как единое целое, со второй стороны, — комплексно, и, наконец, без разделения на исторический и современный пласты, что позволяет решить ряд важнейших историко-теоретических, системобразующих и лингво-педагогических задач.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям.

УДК 811.161.1(075.8)
ББК 81.2.Рус-2я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-07100-9

© Тарланов З. К., 2007
© Тарланов З. К., 2018, с изменениями
© ООО «Издательство Юрайт», 2018

Оглавление

Предисловие	9
I. Введение.....	15
§ 1. Синтаксис как раздел грамматики.....	15
§ 2. Основные этапы в истории изучения и развития русского синтаксиса	17
§ 3. Русская синтаксическая классика и современные синтаксические теории	20
§ 4. Синтаксис как наука о языке и метаязыки синтаксиса	23
II. Общие вопросы синтаксиса	25
§ 5. Предмет синтаксиса.....	25
§ 6. Конструктивный (структурный) и коммуникативный (актуальный) синтаксис.....	28
§ 7. Синтаксическая парадигматика и синтагматика	31
§ 8. Предложение как важнейшая единица синтаксиса	33
§ 9. Основные признаки предложения	36
§ 10. Словосочетания и их место в синтаксисе	40
§ 11. Предложение и высказывание	43
§ 12. Типология предложения, синтаксическая семантика и модальность	43
§ 13. Типология предложения в ее отношении к типологии стилей	46
§ 14. Типология предложения, этнопсихология и этнофилософия	48
III. Методы синтаксического изучения и анализа	50
§ 15. Логико-синтаксический метод	50
§ 16. Психолого-синтаксический метод.....	53
§ 17. Метод описания синтаксических явлений с опорой на учение о частях речи.....	58
§ 18. Формально-грамматический метод	59
§ 19. Синтагматический анализ предложения.....	62
§ 20. Анализ по позиционным звеньям	67
§ 21. Анализ предложения на основании типов синтаксических связей	69
§ 22. Метод эксперимента.....	74
§ 23. Метод парадигматического описания	75
§ 24. Метод анализа по непосредственно составляющим	78
§ 25. Трансформационный анализ	80
§ 26. Метод актуального членения	82
§ 27. Использование приемов сравнительно-исторического метода в историческом синтаксисе.....	84

IV. Простое предложение	94
§ 28. Простое предложение и предикативное единство в составе сложного целого: сходства и различия	94
§ 29. Поиски новых подходов к описанию простого предложения во второй половине XX в.	100
§ 30. Типы предложений по их универсально-коммуникативной целеустановке	108
§ 31. Способы и средства выражения синтаксических отношений в русском языке	109
§ 32. Типы синтаксических связей	111
§ 33. Сочинительная связь	112
§ 34. Подчинительная связь	113
§ 35. Типы подчинительной связи	113
§ 36. Согласование	114
§ 37. Управление.....	116
§ 38. Примыкание	118
§ 39. Двусоставное (двухъядерное) предложение как наиболее массовый и историко-генетически первичный тип предложения	120
§ 40. Иерархия (структура) двусоставного предложения. Главные и второстепенные члены. Вопрос о статусе прямого дополнения в структуре предложения.....	121
§ 41. Главные члены двусоставного предложения	122
§ 42. Подлежащее	123
§ 43. Сказуемое.....	124
§ 44. Второстепенные члены предложения и их типы.....	126
§ 45. Замечания о стилистике второстепенных членов предложения на материале пословиц	130
§ 46. О составе и функциях однородных членов предложения на материале пословиц	132
§ 47. Однородные подлежащие	133
§ 48. Некоторые особенности согласования предикатов (преимущественно на материале пословиц).....	135
§ 49. Однородные предикаты.....	136
§ 50. Однородные второстепенные члены предложения	138
§ 51. Дополнительные комментарии к синтаксису и поэтике пословиц, построенных по типу предложений с однородными членами. Вопрос о слитных предложениях	138
§ 52. Поэтико-стилистические особенности функционирования двусоставного предложения в пословицах	140
§ 53. Двусоставное несогласованное предложение	142
§ 54. К истории изучения двусоставного несогласованного предложения.....	143
§ 55. Стадии становления несогласованных предложений	147
§ 56. Несогласованные предложения в контексте русского этнического мировосприятия	152

V. Односоставные личные предложения, типы и происхождение	154
§ 57. Вводные замечания.....	154
§ 58. Общее понятие об односоставных личных предложениях	155
§ 59. Основные точки зрения на происхождение односоставных личных предложений	156
§ 60. Функциональный статус односоставных личных предложений в новорусском языке, представляющем последний этап его истории	164
§ 61. Процесс и этапы становления односоставных личных предложений в русском языке	168
§ 62. Формальная и функциональная перестройка системы глагольных форм как фактор развития односоставных предложений	171
§ 63. Семантическое усложнение личных форм глагола как фактор образования односоставных личных предложений	173
§ 64. Глагольно-местоименный изосемантизм как фактор развития односоставных личных предложений.....	174
§ 65. Односоставные личные предложения в их семантической соотнесенности с двусоставными предложениями	175
§ 66. Общий обзор факторов, содействовавших развитию односоставных личных предложений.....	177
§ 67. Типологические сходства и различия русского и западноевропейских языков в выражении субъекта в подлежащем и сказуемом	180
VI. Безличные предложения	182
§ 68. Вводные замечания	182
§ 69. Наиболее распространенные теории происхождения безличных предложений (Гримм, Потемня, Мейе, Пешковский, Мещанинов)	183
§ 70. Шахматовская теория происхождения безличных предложений и ее уязвимость	185
§ 71. Безличность как результат реализации в языке тенденции к абсолютизации (обобщению) признака	189
§ 72. Значение данных синтаксической типологии в решении проблемы происхождения безличных предложений	191
§ 73. Безличные предложения в истории русского языка XI—XVII вв. по оценкам специальной литературы.....	192
§ 74. Этапы и тенденции в динамике и развитии безличных предложений в XI — XVIII вв.	193
§ 75. Общие системно-грамматические условия, способствовавшие массовому распространению безличных предложений	202
§ 76. Русские безличные предложения в контексте этнической культуры.....	209
VII. Инфинитивные предложения	214
§ 77. Общее понятие.....	214
§ 78. Инфинитивные предложения в контексте русской этнофилософии.	216

VIII. Номинативные предложения	221
§ 79. Общее понятие	221
§ 80. История номинативных предложений	222
§ 81. О происхождении номинативных предложений	226
§ 82. Функциональный статус номинативного предложения	236
§ 83. Несколько замечаний по проблеме именных предложений	237
§ 84. Именительный представления в контексте истории номинативного предложения	240
IX. Предложения с обособленными членами	243
§ 85. Складывание категории обособления в русском синтаксисе	243
§ 86. Этапы истории обособления в русском синтаксисе	247
X. Принцип антропоцентризма в синтаксисе	251
§ 87. Способы и средства выражения универсального принципа антропоцентризма в русском синтаксисе	251
XI. Неполные предложения	254
§ 88. Общее понятие	254
§ 89. Неполные предложения с незамещенными позициями предикатов	256
§ 90. Неполные предложения с незамещенной позицией подлежащего	258
§ 91. Эллиптические предложения с незамещенными позициями главных членов	258
XII. Синтаксически не членимые предложения	262
§ 92. Слова-предложения	262
§ 93. Вокативные предложения	263
XIII. Осложненные предложения	264
§ 94. Осложненное предложение как проблема синтаксиса	264
XIV. Сложное предложение	268
§ 95. Общие принципы определения и описания сложных предложений	268
XV. Сложносочиненные предложения	273
§ 96. Общее понятие	273
§ 97. Сложносочиненные предложения с союзом а	273
§ 98. Сложносочиненные предложения с союзом да	278
§ 99. Сложносочиненные предложения с союзом и	280
§ 100. Сложносочиненные предложения с другими союзами	282
§ 101. Общие замечания по истории сочинительных союзов и об их жанрово-поэтических функциях в пословицах	283
XVI. Сложноподчиненные предложения	287
§ 102. Общие принципы описания сложноподчиненных предложений	287
Союзное подчинение	293
§ 103. Общие замечания	293

§ 104. Сложноподчиненные предложения с союзом что	293
§ 105. Сложноподчиненные предложения с союзом коли (коль).....	296
§ 106. Сложноподчиненные предложения с союзом кабы	297
§ 107. Сложноподчиненные предложения с союзом когда	298
§ 108. Сложноподчиненные предложения с союзом как	299
§ 109. Сложноподчиненные предложения с союзом чтобы.....	300
§ 110. Сложноподчиненные предложения с союзами как ни, каков ни, какой ни, куда ни, сколько ни, что (чего) ни	302
§ 111. Сложноподчиненные предложения с союзом хотя.....	305
§ 112. Сложноподчиненные предложения с союзом если	306
§ 113. Сложноподчиненные предложения с союзом чем — тем	306
§ 114. Сложноподчиненные предложения с союзом чем.....	307
§ 115. Сложноподчиненные предложения с союзами пока, поколь, доколь, покуда	310
§ 116. Сложноподчиненные предложения с союзами буде, потому что, либо.....	311
§ 117. Сложноподчиненные предложения с книжно-архаичными союзами	311
§ 118. Сложноподчиненные предложения с компонентом так	312
§ 119. Общие выводы о строе, функционировании и жанрово- поэтическом своеобразии союзного подчинения в пословицах.....	315
Относительное подчинение	318
§ 120. Некоторые вопросы теории	318
§ 121. Сложноподчиненные предложения с относительным словом кто.....	322
§ 122. Сложноподчиненные предложения с относительным словом что.....	323
§ 123. Обзор функций придаточных с относительными словами кто, что	323
§ 124. Сложноподчиненные предложения с относительным словом каков	326
§ 125. Сложноподчиненные предложения с относительным словом чей	327
§ 126. Сложноподчиненные предложения с относительным словом какой	328
§ 127. Сложноподчиненные предложения с относительным словом который.....	328
§ 128. Сложноподчиненные предложения с относительным словом сколько	329
§ 129. Сложноподчиненные предложения с относительным словом где	329
§ 130. Сложноподчиненные предложения с относительным словом куда.....	330
§ 131. Сложноподчиненные предложения с относительным словом как.....	331

§ 132. Сложноподчиненные предложения с относительным словом когда.....	331
§ 133. Жанрово обусловленные типология и поэтические функции относительного подчинения в пословицах.....	332
XVII. Бессоюзные сложные предложения	336
§ 134. Общие вопросы синтаксиса бессоюзных сложных предложений....	336
§ 135. Бессоюзные сложные предложения, выражающие сопоставление, их поэтические функции в пословицах.....	340
§ 136. Бессоюзные сложные предложения, выражающие противопоставление, их поэтические функции	343
§ 137. Бессоюзные сложные предложения, выражающие условие — следствие, их поэтические функции в пословицах	346
§ 138. Бессоюзные сложные предложения, выражающие изъяснительные отношения, их поэтические функции в пословицах	349
§ 139. Бессоюзные предложения, выражающие причинные отношения	353
§ 140. Бессоюзные предложения, выражающие соответствие	353
§ 141. Бессоюзные предложения, выражающие присоединительные отношения, их поэтические функции	353
§ 142. Бессоюзные предложения, включающие в свой состав конструкции представления, их поэтические функции в пословицах	355
§ 143. Бессоюзные предложения, одна из частей которых эквивалентна вопросительной конструкции, их поэтические функции в пословицах.....	356
§ 144. Общие выводы о функционировании бессоюзных предложений в пословицах	357
XVIII. Сложные предложения усложненного типа.....	361
§ 145. Общее понятие	361
§ 146. Структурные типы и поэтические функции усложненных конструкций в пословицах	361
XIX. Из истории сложного предложения в русском языке	365
§ 147. Важнейшие линии в развитии сложного предложения.....	365
Использованные сокращения и источники.....	370
Список литературы	373
Новые издания по дисциплине «Общий синтаксис».....	389

Предисловие

Предлагаемая работа представляет собой систематическое изложение университетского курса синтаксиса русского языка в его современном состоянии, сопровождаемое краткими, но достаточными и системно увязанными комментариями исторического плана.

В соответствии с усилившимся на рубеже XX—XXI вв. интересом исследователей к этнолингвистическому осмыслению языковых фактов и категорий модели и типы предложений интерпретируются также и в контексте этнической культуры и психологии. Тем самым русский синтаксис представлен разнопланово, системно и в процессе непрерывного обновления и развития.

Подобная подача материала русского языка с учетом органично выявляемой при этом этнолингвистической составляющей предполагает также привлечение более широкого фона и других языков, преимущественно генетически родственных западноевропейских, там, где это напрашивается естественно, что вполне соответствует традициям русской лингвистической классики (ср. фундаментальные пособия В. А. Богородицкого, И. И. Мещанинова, В. В. Виноградова и др.), обеспечивает необходимую основательность университетскому филологическому образованию.

Главное принципиальное отличие предлагаемого учебника состоит, таким образом, в том, что в нем русский синтаксис рассматривается и излагается как 1) единое целое, 2) комплексно, 3) без разделения на исторический и современный.

Это позволяет решить ряд важнейших историко-теоретических, системообразующих и лингво-педагогических задач, которые ставятся перед учебным пособием, предназначенным для студентов, а именно:

во-первых, продемонстрировать живую непрерывную жизнь языка в ее поступательном движении;

во-вторых, обозреть ее динамичные системообразующие линии, обычно сосредотачивающиеся по логике исторического развития на полярных точках хронологических рамок;

и, в-третьих, построить изложение университетского курса синтаксиса как исторически адекватной *цепочки взаимосвязанных проблем, а не совокупности случайных фактов, лишенных внутренних связей.*

В действующей традиции, в которой диахронический и синхронический аспекты принципиально разведены, исторический синтаксис практически исключен из системы подготовки филологов.

Одна из задач предлагаемого варианта университетского курса состоит в том, чтобы не смешивать аспекты, эвристические методы, подходы синтаксического анализа, диктуемые преходящими и зачастую капризными парадигмами научных представлений, с непосредственным материалом синтаксиса в его сложной, но органичной данности.

По всем этим параметрам (в сочетании с предусмотренной компактностью) предлагаемое пособие принципиально отличается от всех имеющихся по русскому синтаксису и представляет собой новый тип, новый вариант осмысления и изучения русского синтаксиса как университетского курса в его целостности.

Описательный и исторический синтаксис русского языка располагает не одной серией учебников и учебных пособий для филологических факультетов университетов, написанных разными авторами и отражающих наиболее распространенные научные представления соответствующих периодов в развитии науки. Основная их масса приходится на период с середины 50-х годов прошлого столетия — период, наиболее продуктивный не только в плане создания разнотипных вузовских учебников, но и в широкомасштабном развертывании синтаксических исследований в целом.

Среди них хорошо известны учебники по синтаксису современного русского языка, созданные учеными Московского государственного университета под редакцией проф. Е. М. Галкиной-Федорук¹, учебник проф. А. Н. Гвоздева² в двух частях (даже в трех, если иметь в виду весьма удачный сборник упражнений того же автора, соотношенный с теоретическим блоком).

Параллельно с учебниками для университетов большими тиражами издавались также учебники для студентов педагогических институтов. Это, например, учебники С. Е. Крючкова³ и Л. Ю. Максимова, Н. С. Валгиной и др.⁴, А. Г. Руднева⁵.

Они были разными по их научным и общепедагогическим ориентациям, но в любом случае достаточно полно охватывали материал и основное содержание синтаксиса русского языка национального периода.

С середины 80-х годов работа по созданию учебников и обеспечению надлежащего их качества была полностью децентрализована

---

¹ Современный русский язык. Синтаксис / Под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федорук. М.: Изд-во МГУ, 1958; Современный русский литературный язык. Синтаксис / Под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федорук. М.: Изд-во МГУ, 1962; Современный русский язык. Часть II (Морфология. Синтаксис) / Под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федорук. М.: Изд-во МГУ, 1964; Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1981; и др.

² Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 2. Синтаксис. М., 1958.

³ Крючков Е. С., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М.: Просвещение, 1969.

⁴ Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И., Цапукевич В. В. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1961.

⁵ Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. М.: Высшая школа, 1963.

и практически прекращена. Одновременно утверждается стихийная традиция, когда содержание учебной литературы, откровенно компилятивное само по себе, подавляется метаязыком лингвистического описания. Самой неожиданной и легковесной стороной новой традиции оказалась отчетливо обозначившаяся линия неуклонного вытеснения из учебников научной классики, без которой фундаментальное, основательное университетское образование немислимо.

Поскольку Internet с его усредняющей и обезличивающей функцией активно вошел в образовательную систему, то значительная доля ответственности за поддержание значимости научной классики и плодотворных национальных научных традиций в системе университетского образования самой логикой времени перекалдывается на учебную литературу. Она призвана органично совмещать в себе универсализм классики с достижениями современной научной и методической мысли с тем, чтобы адаптировать возможности новых технологий к потребностям обеспечения качества и глубины профессионального образования.

Этим обстоятельством и определяется одна из задач учебника.

С другой стороны, сами имеющиеся учебники и учебные пособия по современному и историческому синтаксису русского языка вопреки ожиданиям не ориентированы на взаимное восполнение и объяснение по сути единого и непрерывного синтаксического строя на протяжении всей его истории. Аспекты, категории, явления синхронии и диахронии разведены и не соотносятся между собой. Говоря, например, о безличных или номинативных предложениях, не указывают на время и условия их зарождения, на их семантико-типологическое и модально-типологическое своеобразие, на их выразительные возможности и т. д.

Так же обстоит дело и с другими важнейшими синтаксическими фактами.

Учебники же по историческому синтаксису, в сущности, дублируют подходы, методы и методику «подачи» материала, сложившиеся в описательном синтаксисе, и не нацелены на решение собственно исторических задач. Таковы при всех их различиях работы Я. А. Спринчака¹, В. И. Борковского², А. Н. Стеценко³, адресованные студентам. Поэтому складывается ложное впечатление, будто исторический синтаксис русского языка принципиально не отличается от современного.

---

¹ Спринчак П. Я. Очерк русского исторического синтаксиса (Простое предложение). Киев, 1960; *Он же*. Очерк русского исторического синтаксиса (Сложное предложение). Киев, 1964.

² Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

³ Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1972. См. рец. Л. В. Савельевой, З. К. Тарланова в журнале «Филологические науки». 1973. № 3.

Давно востребованных работ типа «Исторического комментария к русскому литературному языку» Л. А. Булаховского¹ не появлялось, а само учебное пособие Л. А. Булаховского слишком лаконично в синтаксической части и, естественно, не учитывает данных научной литературы второй половины XX в.

Отсюда проистекает вторая важнейшая задача предлагаемого учебного пособия — представить русский синтаксис в процессе его непрерывного развития и обновления, в совокупности его современных синтаксических средств и возможностей, истории их зарождения и закрепления в качестве общезыковых фактов.

Это значит, что изложение материала, например, по тем же безличным и инфинитивным предложениям не ограничивается характеристикой их статуса, способов грамматического оформления в новый и новейший периоды истории русского языка, а дополняется необходимыми и систематизированными сведениями об их становлении и утверждении в языке, об их системных связях с другими категориями и процессами в истории русского языка.

В работе предпринята попытка соединить полноту современной русской синтаксической системы в описании А. А. Шахматова и А. М. Пешковского с обращенностью анализа рассматриваемых явлений в историю, характерную для исследований А. А. Потебни. При этом важное место отводится также замечательным идеям Е. С. Истриной, развитым ею в ее известных «Синтаксических явлениях Синодального списка I Новгородской летописи»², которые не получили должного развития в последующей истории русской синтаксической науки.

Историзм синтаксиса не сводится к иллюстрированию как бы статичных языковых фактов и категорий другим аналогичным материалом, но взятым из разновременных источников. Для исторического синтаксиса важно проследить собственно процесс его изменения, соотносимый с определенными хронологическими рамками, указывающими на его системно заданное начало и результат, поддерживаемый системно же.

Язык развивается и функционирует в социально-территориальном расслоении. Отрешенное от этого расслоения изучение его форм и проявлений искусственно и умозрительно.

Синтаксические изменения, вызревая и утверждаясь в языковом узусе в течение веков, не сосредотачиваются равномерно во всех его функциональных и территориальных разновидностях. Они по-разному и в разной степени полно и плотно проникают в каждую из них, занимая либо замещая собой позиции форм предшествующих.

Поэтому в функциональных и территориальных разновидностях языка правомерно усматривать вслед за Ф. Ф. Фортунатовым мозаику

---

¹ Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 2-е изд. Киев, 1950. (Впервые опубликовано в 1939 г.).

² Истрина Е. С. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Пг., 1922.

его горизонтальной истории. Следовательно, синтаксическое развитие может быть продемонстрировано на материале любой из разновидностей языка в этой мозаике, а в пределах литературного языка — любой из его функционально-стилистических разновидностей с учетом степени их консерватизма или устремленности вперед.

По этим соображениям иллюстрации данного пособия «выдержаны» в рамках определенных стилей и преимущественно ориентированы на классические образцы, включая и устнопоэтические — пословицы, в силу их синтаксического совершенства.

Одна из главных задач работы — представить полную картину русского синтаксического строя на уровне предложения в его динамичных реально-конструктивных составляющих.

С этой точки зрения характерные для последних десятилетий прошлого столетия рассуждения о том, что важнее — конструктивный синтаксис или синтаксис коммуникативный — и что должно быть подлинным объектом синтаксического рассмотрения, совершенно не существенны.

При всей своей онтологической сложности языковые факты просты и понятны в бесконечно разнообразной речевой практике и в многопрофильном использовании языка. Язык описания призван быть адекватным простоте и емкости языка естественного и не может подавлять его собой, как это имеет место в части научной и учебной литературы.

Язык — это и важнейшая, может быть, главная, форма этнической культуры и средство формирования, выражения этнической психологии и философии. С учетом этого обстоятельства и в соответствии с некоторыми тенденциями развертывания современных лингвистических исследований в работе предлагаются также отдельные решения и этнолингвистического плана.

Наконец, последнее замечание. Поскольку одна из важных задач пособия состоит, как уже говорилось, в развитии у студента интереса и вкуса к исследовательской деятельности, к аналитической работе, что предполагает, в частности, точную паспортизацию соответствующих научных представлений, то в нем много места отводится научному аппарату, ссылкам на специальную литературу, научной полемике, обнаружению и обзору нерешенных вопросов и проблем. Эти ссылки и критические разборы разных решений, касающихся одних и тех же или сходных явлений, призваны стимулировать самостоятельность мышления, самостоятельную работу студентов, которые проявят углубленный интерес к заинтересовавшей их научной проблематике.

Дело не только в этом. Учебное пособие в соответствующих разделах строится исключительно аналитически.

Программный материал излагается приближенно к процессу анализа и описания конкретных языковых данных. Чаще всего это делается по показаниям пословиц, разносторонне изученных автором. Тем самым решается двуединая задача: студент наряду с теоретической подготовкой по предмету получает и необходимые навыки и приемы

исследовательской работы, неотделимые в подобных случаях и от стилистических оценок.

Студент, освоивший программу дисциплины «Синтаксис русского языка», согласно ФГОС ВО должен обладать следующими компетенциями:

знать

- современный и исторический синтаксис;
- основополагающие аутентичные труды и современные научные исследования, посвященные синтаксису русского языка;

уметь

- использовать синтаксические категории и факты;
- применять категории синтаксиса и категории стилистики, жанровой поэтики в анализе языкового материала и соответствующей научной литературы;

владеть

- профессиональной лексикой, понятийно-категориальным аппаратом;
- навыком применять полученные знания в педагогической и научно-исследовательской деятельности.

В конечном счете, все это подчинено решению важнейшей задачи университетского образования — утверждению комплексных, системных начал в преподавании и исследовании синтаксиса. Современный синтаксис, исторический синтаксис, стилистическое использование синтаксических категорий и фактов, взаимодействие между категориями синтаксиса и категориями стилистики, жанровой поэтики, направленный анализ как собственно языкового материала, так и соответствующей научной литературы, методы и приемы синтаксического и стилистико-синтаксического изучения языка — все это предлагается в учебном лекционном курсе как единое целое, как разные пути и способы постижения предмета рассматривания в нем — русского синтаксиса в непрерывности его развития и функционирования.

Следует иметь в виду также, что во всех иллюстрациях сохранены орфография и пунктуация соответствующих источников.

З. К. Тарланов

I. Введение

§ 1. Синтаксис как раздел грамматики

Грамматика (от греческого *γραμματική*, что значит «учение о письме и чтении, словесность») как *строй*, как *формальная организация языка* включает в себя два тесно связанных между собой важнейших раздела: *морфологию* и *синтаксис*.

Смысл, содержание этих разделов достаточно отчетливо выражены уже в их этимологически выдержанных названиях-терминах.

Морфология (от греческого *μορφή*, *μορφα* – «вид, образ, форма, очертания» и *λόγος* «слово, речь, учение») значит *учение о форме, о формах, о внешне-формальных видах, очертаниях и структуре форм языка*.

Если взять следующий ряд форм современного русского языка, – *вот, кто, были, эти, гости*, то задача морфологии состоит прежде всего в том, чтобы в сопоставлении с соответствующими аналогичными формами современного же русского языка определить, что *вот* — это указательно-констатирующая частица, *кто* — вопросительно-относительное местоимение, *были* — форма прошедшего времени во множ. числе глагола *быть*, *эти* — указательно-определятельное местоимение, *гости* — одушевленное существительное во множ. числе, в им. пад. и т. д.

Можно в рамках морфологии представить характеристики этих слов и более развернуто. Но в любом случае на том же уровне они останутся *отдельными, изолированными* формами.

Синтаксис (от греч. *σύν* «вместе, одновременно, со» и *τάξις* «построение, расположение, строй») значит *учение о соположении, расположении форм языка, построении форм в виде связного текста, в виде составленного, выстроенного целого*.

Приведенные выше морфологические формы в синтаксисе образуют текст — *Вот кто были эти гости* (Тург. Лит. и жит. восп.), подчиненный единой, вполне определенной коммуникативной цели. Входящие в него формы взаимно связаны между собой и все вместе выражают единое содержание. При этом важна не столько сама по себе отдельная форма, форма как комплекс звуков либо графем, а та позиция, то место, которое она занимает по отношению к другим формам, составляющим единое целое и реализующим общее — синтаксическое — содержание.

Морфология и синтаксис в их современном состоянии *разделами* как бы единой науки считаются условно, по традиции. Но при этом существенным моментом, удерживающим их в рамках единой науки,

является то обстоятельство, что они исследуют, описывают, объясняют *разные уровни единой языковой системы* — морфемно-морфологическую и синтаксическую.

В действительности же, если иметь в виду обычные неотъемлемые составляющие всякой науки (собственный предмет изучения, свои специальные методы, свою отраслевую структуру, связи со смежными отраслями знания), то морфология и синтаксис — это две самостоятельные, более того — разветвленные науки со своими динамично менявшимися и меняющимися концептуальными представлениями о предмете изучения, со своими эвристическими традициями и собственными методами исследования, структурой знания.

Из сказанного очевидно, что морфология языка представляет собой учение о совокупности, арсенале форм, образующих (конституирующих) соответствующие его категории, с помощью которых, в свою очередь, структурируется, грамматически упорядочивается, единообразится его лексический состав.

В синтаксисе же морфологические факты и явления предстают в их дистрибуции, распределении, сочетаемости, синтагматике, то есть избирательно, линейно, протяженно и контекстуально.

Именно в таком режиме, в режиме синтаксического употребления, формы языка складываются, развиваются, преобразуются и вымирают, в том числе и меняя свою природу.

Подобным образом сложились в русском языке, например, такие категориальные показатели морфологии, как частица сослагательного наклонения *бы*, представляющая собой застывшую и утратившую свое исходное значение форму аориста 2-го — 3-го лица ед. числа; аффиксальный показатель средне-возвратного залога глагола —*ся*, восходящий к энклитической форме местоимения *себе* в вин. пад. ед. числа; флексии, семантически дифференцирующие существительных им. — вин. пад. мн. числа типа *образа* — *образы*, *мехи* — *меха*, *сыны* — *сыновья*, *сынов* — *сыновей*.

Точно так же, в процессе синтаксического употребления, слова одного лексико-грамматического класса, одной части речи переходят в другой класс, в другую часть речи. Ср. числительное *один* в значении неопределенного местоимения *некий*, *какой-то*; существительные *столовая*, *прачечная*, *парикмахерская* и проч.; слова категории состояния *нельзя*, *можно* и т. д.

Это факты *синтагматического плана* синтаксиса.

Синтаксис имеет, как все в языке, и *парадигматический план*. Этот план представляет картину сосуществующих синтаксических моделей, типов, структурных возможностей языка на той или иной стадии его функционирования и развития.

Так, синтаксис современного русского литературного языка в его парадигматическом ракурсе — это прежде всего совокупность структурных типов, моделей, схем разных предложений, позволяющих, в частности, свободно варьировать модально-семантические нюансы

высказываний без обращения к средствам, возможностям других уровней языка. Ср., например, модальное сопровождение сопоставимой синтаксической семантики, реализуемой в современном русском литературном языке соответствующими двусоставными, односоставными личными, односоставными безличными, односоставными инфинитивными и номинативными предложениями, о чем речь пойдет в соответствующих разделах учебника.

Синтаксис, таким образом, – это, с одной стороны, определенный этап, результат в истории со своим набором языковых средств, а с другой — живая жизнь языка. Это постоянно действующая лаборатория, в которой куются и шлифуются языковые средства и формы, включая синтаксические и стилистические.

Обеспечивая условия для изменения единицам нижестоящих уровней, собственно синтаксические модели характеризуются наибольшей устойчивостью, нередко охватывающей периоды и до тысячелетия.

§ 2. Основные этапы в истории изучения и развития русского синтаксиса

В истории изучения и становления синтаксиса русского языка как науки выделяется ряд периодов, отличающихся друг от друга по содержанию и размаху исследовательских устремлений. Акад. В. В. Виноградов в своей монографии «Из истории изучения русского синтаксиса», опубликованной в 1958 г.¹, в промежутке с середины XVIII в. по третью четверть XIX в. намечает следующие четыре этапа:

1. Ломоносовский период (с середины XVIII в. до 20-х годов XIX в.), когда не было еще цельного учения о строе предложения и отсутствовало достаточно четкое разграничение сфер морфологии и синтаксиса, когда только закладывались основы синтаксической теории, формировались общие подходы к описанию и осмыслению как отдельных синтаксических явлений и категорий, так и синтаксиса в качестве отрасли знания в целом. Облик этого периода наряду с «Российской грамматикой» М. В. Ломоносова² определяли также труды его последователей проф. Н. Курганова³, проф. А. А. Барсова⁴, грамматика Императорской Российской Академии начала XIX в.⁵

2. Период с конца 20-х годов до конца 50-х годов XIX в., когда синтаксис благодаря работам Н. И. Греча⁶, А. Х. Востокова⁷, К. С. Акса-

---

¹ Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М.: Изд-во МГУ, 1958.

² Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб., 1755.

³ Курганов Н. Российская универсальная грамматика... СПб., 1769.

⁴ Барсов А. А. Российская грамматика. М., 1783—1788 (рукопись).

⁵ Российская грамматика, соч. Имп. Российскою Академиею. СПб., 1802.

⁶ Греч. Н. Практическая русская грамматика. 2-е изд., испр. СПб., 1834.

⁷ Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб., 1831.

кова¹, И. И. Давыдова² и др. обретает самостоятельный статус и выделяется как отдельная наука. При этом сами синтаксические изыскания оказываются разноориентированными.

В исследованиях А. Х. Востокова, К. С. Аксакова, продолжавших принципиальную линию М. В. Ломоносова, в качестве важнейшей выдвигалась задача, связанная с научным описанием русского языка в соответствии с его природой, в самобытности его форм, категорий, с учетом его национальной специфики. В работах же Н. И. Греча, И. И. Давыдова преобладающей была линия общепhilософской, всеобщей, этноисторически индифферентной рационально-логической грамматики, воплощением которой в этот период считались «Организм языка» и «Пространная немецкая грамматика» К. Ф. Беккера.

3. Период с конца 50-х годов и по 70-е годы XIX в., отмеченный прежде всего «Опытом исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, опубликованным в 1858 г.³ и сыгравшим огромную роль в дальнейшем развитии синтаксических идей в России и в организации преподавания синтаксиса в высшей и средней школе, а также многочисленными публикациями участников лингвистической дискуссии 70-х годов XIX в.

В противовес Беккеру, не умевшему, как считал Ф. И. Буслаев, «определить настоящие границы между грамматикой и логикой» и принявшему «направление старинных, так называемых общих грамматик, имевших целью решение весьма странной задачи — оправдать язык логики», и тем самым понимавшему синтаксис как «отвлеченное рассуждение о применении законов логики к материалу языка», сам Ф. И. Буслаев провозглашает необходимость строить синтаксис «на этимологическом разборе форм», то есть на их собственной истории.

Изучать язык в его истории и в стремлении к выявлению национальной самобытности, свободной от удовлетворения требований логических грамматик, — становится с этого времени одной из неизменных концептуально-методологических установок русского языкознания вообще и синтаксиса в частности.

4. Период 70—80-х годов XIX в., когда отчетливо формулируются и блестяще реализуются последовательно исторические принципы изучения синтаксического строя русского языка, прослеживаются пути становления разных типов синтаксических структур, в особенности простых одночленных, сложных с подчинительной связью и относительными словами. Выдающаяся роль в науке этого времени, как и во всей последующей истории русской и славянской лингвистической

---

¹ Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т. II—III. Сочинения филологические. — М., 1875.

² Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Императорской Академии наук. 2-е изд. СПб., 1853 (1-е изд., 1852).

³ Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. I и II. М., 1858.

мысли, принадлежит А. А. Потебне, глубокий труд которого «Из записок по русской грамматике»¹ открыл огромные возможности для исследования истории славянских языков, сам по себе став непревзойденным образцом фронтального освещения историко-языковых процессов. А. А. Потебня же, по справедливому определению В. В. Виноградова, впервые тесно и прочно связал грамматические вопросы, вопросы языковой техники и речевого творчества с формами мышления и познания.

Познавательная деятельность народа, общества, человека, как и закрепление содержания, опыта познания, осуществляются, согласно А. А. Потебне, через три обязательные формы, три единицы языка — *слово, предложение, часть речи*. Эти единицы системно-исторически взаимосвязаны и в своем становлении представляют стадии развития как мышления, так и познавательной деятельности народа.

На этот период приходится объяснение многих процессов, связанных с зарождением типов одночленных предложений (полемика между А. А. Потебней и А. В. Поповым, лингвистическая полемика 70-х годов), сложных предложений (А. А. Потебня), сложных предложений с относительными словами (Ф. Корш), судьбы паратаксических конструкций (А. А. Потебня, Д. Н. Овсяннико-Куликовский), синтаксической типологии и т. д.

Это — периоды, выделенные В. В. Виноградовым применительно к истории русской синтаксической науки по 70-е годы XIX в.², не простирающиеся, однако, до рубежа XIX—XX веков. С учетом поступательного развития русских синтаксических теорий и идей они должны быть дополнены еще следующими тремя периодами, которые приходятся на рубеж XIX—XX веков и XX в.

5. 90-е годы XIX в., период распространения синтаксических идей А. А. Потебни, появления исследований А. В. Добиаша с его подчеркнутым вниманием к интонации, оформляющей синтаксические конструкции, к неделимым синтаксическим структурам; период, когда в качестве самостоятельного и важнейшего объекта синтаксиса выдвигается словосочетание (А. В. Добиаш, Ф. Ф. Фортунатов), в центр синтаксического изучения ставится форма слова и словосочетания, когда предпринимаются попытки соединить идеи А. А. Потебни и Ф. Ф. Фортунатова (работы Е. Ф. Будде, А. М. Пешковского).

6. Совершенно особо в истории русской синтаксической науки стоит период 20—30-х годов XX в., отмеченный прежде всего выходом

---

¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. 2-е изд., исправленное и дополненное. Т. I—II. Харьков, 1889.

² В другом месте и в другой связи В. В. Виноградов говорит о трех периодах, объединяя третий и четвертый в один, что представляется неоправданным по принципиальным параметрам (См.: Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. С. 377). Невозможно объединить «Опыт исторической грамматики» Ф. И. Буслаева и «Из записок по русской грамматике» А. А. Потебни. Это выдающиеся работы, но они совершенно разные.

в свет в двух частях соответственно в 1925 и 1927 годах капитального, хотя и незавершенного труда акад. А. А. Шахматова «Синтаксис русского языка» (после смерти ученого в 1920 году, под ред. Е. С. Истриной), второе издание которого было осуществлено в 1941 г.¹, и «Русским синтаксисом в научном освещении» (начиная с 3-го издания, 1928 г.) А. М. Пешковского².

Взаимно дополняя друг друга, с привлечением огромного фактического материала, они представляли полную картину синтаксического строя русского национального литературного языка, снабженную глубокими и оригинальными историко-теоретическими и теоретическими комментариями и объяснениями.

Именно эти работы определили внутреннее содержание периода и оказали огромное воздействие на все последующее развитие русской синтаксической мысли самых разных направлений, на определение долговременной стратегии в выборе исследовательской проблематики и практику университетского преподавания в СССР и России в XX в. в целом. В плане развития исторического синтаксиса русского языка в советский период важную роль сыграло также исследование Е. С. Истриной по синтаксису Синодального списка 1-й Новгородской летописи³.

7. Наконец, последний период, начиная с 50-х годов XX в., когда была подготовлена и издана обобщающего типа и в то же время нормативная Академическая грамматика русского языка (первое издание — 1952 г.), когда появляются основополагающие в теоретическом и в историко-теоретическом планах работы В. В. Виноградова по синтаксису современного русского литературного языка, по словосочетаниям, важнейшим признакам предложения, объемные исследования по русскому историческому синтаксису (В. И. Борковский, Т. П. Ломтев и др.), по синтаксису диалектов, фольклора, художественной речи, сравнительному синтаксису восточнославянских языков.

Синтаксис русского языка имеет, таким образом, свою логику и самобытную историю развития, богатые научно-исследовательские традиции и составляет важнейшую часть европейского и мирового языкознания.

§ 3. Русская синтаксическая классика и современные синтаксические теории

Как видно из приведенной периодизации истории развития русской синтаксической науки, у ее классических истоков возвышается

---

¹ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

² Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 3-е изд. М., 1928.

³ Истрина Е. С. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Пг., 1923.

фигура Ф. И. Буслаева, ученого разностороннего и плодовитого, синтаксические идеи которого долго питали и стимулировали усилия исследователей русского синтаксиса, оставаясь актуальными во все последующие периоды его истории.

Линия русской синтаксической классики, воплощенная в работах Ф. И. Буслаева, в согласии с традицией может быть обозначена как *логико-синтаксическая, вместе с тем совмещающая в себе историко-этимологический анализ синтаксических фактов с их этнокультурными оценками.*

Тем самым его синтаксические подходы при всей кажущейся их внешней логической формализованности оказываются комплексно-гуманитарными, что в свою очередь определялось широтой исследовательских интересов ученого, охватывавших русскую народную мифологию, фольклор, книжную культуру и древнерусское искусство.

Начиная с 70–80-х годов XIX в. русская синтаксическая классика в лице А. А. Потебни совершает глубокий прорыв в историю языка, благодаря которому развитие категорий синтаксиса и психологии, языка и мышления рассматривается в их взаимодействии и взаимосвязях. Жизнь синтаксиса увязывается им с жизнью таких важнейших конституирующе-структурных языковых явлений, как *слово, часть речи и член предложения*, тем самым подтверждая универсальный его характер по отношению ко всему, что составляет материально-содержательную суть языка. Импульсы для языковых изменений в психологических феноменах усматриваются А. А. Потебней лишь в качестве отправных точек. Однако в самой лингвистической концепции А. А. Потебни в ее реальном содержании, последовательном воплощении, подтвержденном колоссальным фактическим материалом, языковые изменения оказываются детерминированными собственно языковыми закономерностями и системными сдвигами в самом языке.

Хотя А. А. Потебню по традиции аттестуют как крупнейшего представителя психологического направления в России, в действительности он — основатель и теоретик последовательно-исторической школы в русской синтаксической науке. Его работы в этом направлении до сих пор остаются вершинными не только в русистике, но и в мировой славистике в целом.

Важнейшие направления и тенденции синтаксического развития русского языка от древности к современному его состоянию сводятся, согласно А. А. Потебне, в частности, к следующим моментам:

- 1) закономерной замене паратаксиса гипотаксисом,
- 2) усилению глагольности предложения и выдвиганию глагола в его центр,
- 3) выработке и закреплению в предложении-высказывании семантико-синтаксической перспективы и иерархически выстроенной структуры,
- 4) утверждению и закреплению финитных (изменяемых) форм глагола в качестве средств выражения и актуализации предикативности,

5) расширению и обобщению семантики синтаксических форм.

С 90-х годов XIX в. параллельно с историческим синтаксисом А. А. Потебни широкое распространение в отечественном языкознании получает формально-синтаксическая концепция Фортунатова, которая разрабатывалась в трех взаимосвязанных, но не сводимых друг к другу направлениях:

1) в синтаксических построениях М. Н. Петерсона, Д. Н. Ушакова, А. М. Пешковского (в первых двух изданиях его «Русского синтаксиса в научном освещении»), А. Б. Шапира и др., последовательно выдержанных в духе идей Ф. Ф. Фортунатова;

2) в оригинальной синтаксической теории двусоставных и односоставных предложений А. А. Шахматова, ориентированной на полномасштабный охват синтаксического материала современного русского языка;

3) в синтаксической теории А. М. Пешковского, оригинальной и вместе с тем представляющей собой попытку соединить главнейшие синтаксические идеи А. А. Потебни, Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова.

Таким образом, русская синтаксическая классика характеризуется богатством общих концепций, подходов, методов и идей синтаксического изучения языка в синхронии и диахронии. Современные отечественные синтаксические теории, как правило, развивают идеи, в той или иной степени связанные с приведенными направлениями, с учетом того нового, что относится к нынешним достижениям мировой синтаксической науки.

В отличие от классического синтаксиса в современных синтаксических исследованиях непропорционально много места отводится метаязыку синтаксиса, терминологии, общим рассуждениям, философским аспектам языкового функционирования. Они менее цельны, менее органичны, более эклектичны по содержанию и общетеоретическим установкам. При очевидно подчеркнутом интересе к коммуникативному синтаксису в них тем не менее неотчетливо обозначенными остаются границы, предмет изучения и методы анализа коммуникативного синтаксиса и синтаксиса структурного в их соотносительности. В современных синтаксических исследованиях план выражения языка неправомерно оттеснен на периферию исследовательских интересов. Нередко синтаксическая семантика рассматривается имманентно, вне связи с этнокультурно и этноисторически детерминированными способами и средствами ее материально-языковой реализации

Для исправления такого рода перекосов и выработки исторически востребованной стратегии синтаксических исследований чрезвычайно важно учитывать опыт и созидательную роль синтаксической классики, роль национальных научных традиций, тесно увязанных с природными свойствами изучаемого языка.

§ 4. Синтаксис как наука о языке и метаязыки синтаксиса

Синтаксис как отрасль языкознания имеет свою давнюю историю. В силу сложности, объемности предмета изучения, допускающего разные подходы к себе, а также по причине соотнесенности этого предмета изучения с конституациями определенного типа, неотделимыми от стилистических коннотаций (сопровождений), с теми или иными лексическими группами и классами слов, еще более усложняющими границы предмета рассмотрения, синтаксис чаще, чем другие отрасли языкознания, оказывался в эпицентре ожесточенных научных споров.

По-разному трактовались также предмет и задачи синтаксического изучения: то ли это словоформа, выполняющая ту или иную функцию, то есть являющаяся членом предложения, то ли это устроенное по типу подчинительной связи словосочетание, то ли это предложение, выражающее суждение, то ли это языковое воплощение психологической коммуникации, то ли это реализация некоей синтаксической схемы и т. д.

Как бы ни трактовался предмет синтаксиса в его *объемном* исчислении, очевидно, что по своей сути *это линейная либо линейного типа единица, превосходящая словоформу, это рядоположение двух и более форм*. При всем разнообразии конкретных формулировок подобное понимание предмета синтаксиса по его сути является распространенным и практически общепринятым. В этом смысле синтаксис как наука един.

Однако эта единая по предмету изучения наука не столь едина по своему последовательно исторически складывавшемуся метаязыку, то есть понятийно-терминологическому аппарату.

Единой по логике вещей синтаксической науке реально соответствует ряд метаязыков, по крайней мере, не один метаязык. Это в принципе вполне естественно. Аналогично обстоит дело и в других науках.

Метаязыки науки вызываются к жизни разными причинами. Они, в частности, могут быть обусловлены:

1) последовательными процессами в развитии самой науки: ср., например, понятия-термины *имя, субъект, подлежащее, предикат, рема, сказуемое, суждение, предложение в античной традиции и в европейских грамматических теориях нового времени*; или понятия-термины *паратаксис и синтагма* в истории русской (А. А. Потебня, И. А. Бодуэн-де-Куртене, Л. В. Щерба) и западноевропейской синтаксической науке; или понятия-термины *ядерная конструкция, трансформ, глубинный смысл* в трансформационном синтаксисе; и т. д.;

2) исторической сменой научных парадигм, сменой одного научного направления другим, что, как правило, сопровождается обновлением понятийного аппарата и самой научной терминологии: таковы термины-понятия *психологический субъект, психологический предикат, психологическое суждение*, которые приходят на смену метаязыковым обозначениям логико-грамматического направления — *логический*

субъект, подлежащее, логический предикат, сказуемое, суждение; или понятия член предложения у логико-грамматистов и позиционное звено, синтаксическая позиция у синтаксистов формально-грамматической ориентации (например, у Т. П. Ломтева);

3) синтаксической спецификой соответствующих языков или их типов: таковы, например, понятия-термины *активный субъект (выраженный эргативным падежом), эргативная конструкция* в синтаксисе кавказских языков, неизвестные синтаксису индоевропейских языков; или понятие *изафета, изафетной конструкции* в синтаксисе тюркских, арабского и персидского языков, в чем-то отдаленно аналогичное композиту и посессиву в европейских языках;

4) национальными либо региональными научными традициями, таковы, например, понятия *ближайшего и дальнейшего объекта* в метаязыке синтаксиса кавказских языков, понятие *идафы* в арабском языкознании и т. д.;

5) кризисными ситуациями в науке, когда анализ, описание, исследование собственно языковых фактов оказываются подмененными имманентно трактуемым метаязыком, поисками универсально-логических либо исключительно формальных опор для синтаксических объяснений.

Важнейший и неизменный принцип подлинной языковедческой науки, в том числе и синтаксиса, состоит в том, чтобы метаязык максимально служил целям адекватного, объективного описания и объяснения языковой структуры, языкового строя, чтобы метаязык не подавлял собой исследуемый естественный язык, являющийся целью и смыслом метаязыка как одного из исследовательских инструментариев.

Вместе с тем обеспечение условий для овладения всеми важнейшими метаязыками синтаксиса как науки в интересах самой же науки — одна из фундаментальных задач национальной системы образования в современном мире.

II. Общие вопросы синтаксиса

§ 5. Предмет синтаксиса

По этимологическому смыслу самого термина *синтаксис* и по одной из общераспространенных научных традиций предметом синтаксиса считается соединение, сочетание словоформ, выражающих определенное содержание, идею, мысль. Но сочетания форм или словоформ по их объему, достоинству, содержательной насыщенности, самодостаточности с точки зрения автономного функционирования бывают разными.

Так, *спустя рукава* внешне — это сочетание двух словоформ в современном русском языке. Это подтверждено их графической и грамматической раздельнооформленностью. Однако выражаемое ими содержание не соотносится с каждой из них. Оно не расчленено между ними и равно значению одной-единой словоформы (одного слова) — *нестарательно, небрежно, неряшливо*.

Следовательно, перед нами — ложное сочетание словоформ в современном его состоянии. Оно неделимо, идиоматично, потому могло бы вполне писаться и слитно.

В силу своей неделимости оно лишено интереса для современного русского синтаксиса, изучающего, систематизирующего *законы и нормы сочетаемости слов, конструкций, позволяющие неограниченно порождать тексты в широком смысле слова*. Но оно представляет интерес для исторического синтаксиса, в частности, при исследовании процессов, условий, причин фразеологизации свободных синтаксических конструкций, процессов синтаксического опрощения.

Или возьмем сочетание *буду читать*.

Сочетание опять-таки состоит из двух компонентов — формы настоящего-будущего времени вспомогательного (служебного) глагола *быть* (*буду*) и инфинитива *читать*.

Оно существенно отличается от предыдущего тем, что, во-первых, входящие в него компоненты связаны между собой не принудительно; они не привязаны друг к другу, они свободны; и свобода эта практически не ограничена; во-вторых, они раздельны не только в оформлении, но и в семантике. Однако выступают они в разных семантических «весовых категориях».

Семантика *быть* формальна, несамостоятельна, служебна, грамматична. Семантика *читать* вещественна, самостоятельна.

Поэтому это сложение форм в результате дает форму же, а именно сложную (аналитическую) форму будущего времени. В таком своем качестве оно представляет интерес прежде всего для синхронной морфологии глагола русского национального языка и исторического синтаксиса с точки зрения исследования процессов синтаксических контактиаций, но не для современного русского синтаксиса.

Аналогично обстоит дело и с сочетаниями типа *самый большой, более интересный, сказал бы* и другими подобными, составляющими предмет изучения в синхронной морфологии.

Такого рода обсуждение с использованием метода от противного, то есть перечислением того, что не подлежит непосредственному изучению в синхронном (описательно-аналитическом) синтаксисе современного русского языка, можно было бы продолжить. Но в этом нет особого смысла. Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы перейти непосредственно к рассмотрению предмета синтаксиса.

Обратимся предварительно к следующему фрагменту текста из воспоминаний И. С. Тургенева о В. Г. Белинском:

Белинский был, что у нас редко, действительно страстный и действительно искренний человек, способный к увлечению беззаветному, но исключительно преданный правде, раздражительный, но не самолюбивый, умеющий любить и ненавидеть бескорыстно.

Весь приведенный текст — безусловный предмет синтаксиса, поскольку мы имеем здесь дело с сочетанием, соединением многих форм, в совокупности, совместно выражающих некое достаточно сложное, емкое содержание. Более того, текст строго организован, продуман, иерархически последовательно выстроен.

К содержанию текста говорящий (пишущий) отчетливо определяет и свое личное отношение.

Само его содержание построено, подано так, что оно настраивает и слушателя (читателя) на вполне определенное восприятие и того, что говорится, и на такое же отношение к тому, о ком говорится. В подобном общем восприятии текст представляет безусловный интерес и для стилистики.

Однако с точки зрения синтаксиса существенно прежде всего то, что приведенный текст представляет собой *высказывание, реализующее определенный тип, модель предложения и выражающее конкретную законченную мысль.*

Предложение, тип предложения, т. е. то целое, в котором воплощается относительно законченная мысль (членораздельное содержание вообще), и есть основной, главный предмет синтаксиса, если исходить из того, что язык — это в первую очередь средство формирования и выражения мысли и средство общения (коммуникации).

Но предложения, их типы могут быть разными.

В приведенном случае перед нами предложение-высказывание, в котором субъект-подлежащее (*Белинский*) характеризуется предикатом-сказуемым (*был страстный и искренний человек*).

Сказуемое является именным, поскольку выражено существительным в именительном падеже, и согласуется с подлежащим, соотнося его действие с прошедшим временем, посредством *был*.

Именная часть сказуемого распространена согласованными препозитивными (*страстный и искренний*) и постпозитивными (*способный, преданный, раздражительный, не самолюбивый, умевший любить и ненавидеть*) определениями, в свою очередь также характеризующимися своими распространителями — качественными наречиями-обстоятельствами *действительно, исключительно* и дополнением *правде (преданный правде)*. Первое и последнее постпозитивные определения (*способный и умевший любить и ненавидеть*) имеют свои зависимые формы — соответственно атрибутивную группу и качественное обстоятельство. Большая часть постпозитивных определений попарно полярна, что служит усилению эффекта рематической части высказывания. Вся конструкция бинарна (двучленна) и также построена с использованием приема поляризации сегментов.

Весь текст выстроен в форме простого предложения.

Но парадокс состоит в том, что в этом простом предложении реально, в самом деле, — два предложения.

Одно из них встроено, инкорпорировано в другое, т. е. перед нами предложение-матрешка.

Встроенная, инкорпорированная в именное сказуемое конструкция *Что у нас редко*, и в самом деле являясь внутренней, «спрятанной», завуалированной, образует как бы второй план предложения-высказывания, выражающий дополнительную мысль, не предусмотренную структурой основной конструкции.

Таким образом, приведенный текст — это простое предложение, имеющее свою структуру, архитектонику и иерархию частей (блоков, составляющих). Эти составляющие разнообъемны и различны по их позициям, зависимостям, смыслу.

Таковы, например, в приведенном тексте сочетания слов *действительно страстный, действительно искренний, искренний человек, способный к увлечению беззаветному, исключительно преданный, преданный правде, умевший любить, любить бескорыстно, у нас редко* и т. д.

Наряду с этими и подобными словосочетаниями в предложение входят отдельные словоформы, занимающие свои позиции, в сущности идентичные позициям словосочетаний либо же превосходящие их в качестве синтагм, например, *раздражительный*. И те и другие — отдельные блоки.

Из сказанного следует, что *предметом синтаксиса прежде всего и в первую очередь является предложение — величина всеобъемлющая, абсолютная в синтаксисе*.

Предложение как смысловое и интонационное целое членится на синтагмы, которые в свою очередь могут состоять из словосочетаний и словоформ. Это значит, что словосочетания и словоформы тоже составляют предмет синтаксиса, коль скоро они являются способами

материализации синтагм, вычленяемых из предложений-высказываний. Словосочетания и словоформы, как и все, что входит в состав предложения-высказывания, подчинены потенциально содержательной его стратегии в качестве синтаксического типа, синтаксической модели и коммуникативным целям общения в качестве речевой единицы.

Таким образом, предметом синтаксиса является:

во-первых, предложение (абсолютно),

во-вторых, словосочетание (относительно, опосредованно через предложение; как то, что вычленяется из предложения),

в-третьих, словоформа в качестве элементарной, наименьшей синтаксической единицы, также вычленяемой из предложения-высказывания, следовательно, зависимой, предопределяемой строем последнего.

Из этого, однако, вовсе не следует, что словосочетание и слово вообще не существуют сами по себе как единицы номинативного плана. Речь идет лишь о том, что и то и другое, включенные в предложение-высказывание, в каждом конкретном случае проявляются в том ракурсе, который предопределен архитектурной, строением всего синтаксического целого.

Такое понимание предмета синтаксиса близко к концепции, наиболее полно обоснованной А. А. Шахматовым¹. Оно представляет необходимый и достаточный простор для разностороннего описания синтаксического строя языков, и не только индоевропейских.

§ 6. Конструктивный (структурный) и коммуникативный (актуальный) синтаксис

Изучение синтаксиса, синтаксических конструкций на уровне современных научных представлений предполагает отчетливое разграничение их конструктивного (структурного) плана и плана актуального, коммуникативного.

В истории языкознания, как отечественного, так и европейского, в центре внимания в течение длительного времени оставался почти исключительно конструктивный синтаксис, неизменно трактуемый с логико-грамматических позиций.

Однако с конца 70-х годов XIX в. все активнее становятся призывы отказаться от чисто формально-логических подходов к предложению. Смысл, содержание предложения не являются данными раз и навсегда, но зависят от условий речи, целей говорящего, ожиданий и степени осведомленности слушателя в предмете разговора и т. д. Наиболее остро эти вопросы были поставлены в России в ходе лингвистической полемики 70-х годов XIX в.², а в Европе — в работах младограмматиков,

---

¹ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 17—18.

² Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. С. 284—305, 305 и далее

наиболее последовательно — Г. Паулем¹. В то же время предложение и высказывание в качестве единиц разных уровней языка в должной мере не разграничивались.

В целом общие принципы коммуникативного синтаксиса в терминах новейшего времени впервые были предложены основателем Пражского кружка В. Матезиусом в конце 40-х годов XX в.² В отечественном языкознании аналогичные идеи активно развивались в работах А. В. Добиаша и Л. В. Щербы³ на рубеже XIX—XX вв., а первые отечественные исследования коммуникативного синтаксиса с использованием элементов нового метаязыка были выполнены К. Г. Крушельницкой на материале немецкого языка⁴.

Конструктивный (структурный) синтаксис рассматривает предложение как целое, природа и назначение составных частей (элементов, сегментов, членов) которого синхронно неизменны и не зависят от конкретных обстоятельств речи. Все определяется грамматическим статусом, устоявшимся грамматическим достоинством формы, которой выражен соответствующий его член.

Структурный синтаксис выявляет и описывает, таким образом, сложившиеся и ориентированные на длительную перспективу нормы, порядок зависимостей между классами слов, грамматическими формами в процессе их объединения в составе предложения и в процессе конституирования предложения, типы предложений в их истории и функционировании.

Предложение как единица конструктивного синтаксиса может включать в себя и один-единственный член (например, однословное безличное предложение, номинативное предложение), и много членов (например, двусоставное полное предложение).

Коммуникативный (актуальный) синтаксис, наоборот, выявляет то, как предложение варьируется, видоизменяется в зависимости от того, что сообщается в данный момент, какая часть или какая синтагма в высказывании является содержательно важной независимо от ее грамматического статуса.

При этом грамматически подчиненная (второстепенная) форма может быть важнее, существеннее грамматически независимой формы в решении коммуникативной (актуальной) задачи, задачи, поставленной в конситуации речи. В коммуникативном плане высказывание включает в себя, с одной стороны, содержание исходное, данное, являющееся отправным (темой), известное обоим участникам акта речи, а с другой — содержание новое, что именно сообщается, — рему. Отсюда

---

¹ Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. С. 338.

² Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 239.

³ Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. С. 308.

⁴ Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения // Вопросы языкознания. 1956. № 5.

ясно, что высказывание как единица коммуникативного синтаксиса всегда двучленно.

Из двух членов важнейшим является рема. Поэтому без ремы высказывание невозможно. Что касается темы, то она может быть представлена в высказывании, но может восполняться также и предыдущим контекстом.

Так, фрагмент текста из «Легенды о св. Юлиане Милостивом» И. С. Тургенева *Она лежала в постели — спокойно и мирно* с точки зрения конструктивного синтаксиса логико-грамматического толка включает в себя грамматический субъект (подлежащее) — *первая позиция*, глагольный предикат (глагольное сказуемое) — *вторая позиция*, место, где протекает действие сказуемого (обстоятельство места) — *третья позиция*, качества сказуемого (обстоятельства образа действия, качества) — *четвертая и пятая позиции*. Таким образом, предложение состоит из пяти членов, последние два из которых — однородные, однофункциональные.

Структурно указанные члены предложения, или конструктивные составляющие предложения, во-первых, всегда будут тождественны самим себе независимо от того, в каком порядке их расположить, во-вторых, главные останутся главными, второстепенные — второстепенными.

Тот же фрагмент имеет совершенно другую структуру с точки зрения синтаксиса коммуникативного.

Во-первых, высказывание двучленно. Оно включает в себя тему *Она лежала в постели* и рему *спокойно и мирно*. На такое именно членение, идущее от автора, предложенное им, указывает авторское тире, призванное актуализировать, выдвинуть в центр именно заключительные слова. В высказывании сообщается не то, что *она лежала в постели*, а то, что *описываемое состояние было спокойным и мирным. То есть она ничего не ждала — ничего неожиданного, чрезвычайного*.

Во-вторых, именно заключительные слова, являющиеся конструктивно второстепенными, оказываются самыми важными в плане сообщения, функционально-коммуникативной нагрузки.

В-третьих, эта рематичность, функциональная значимость слов *спокойно и мирно* подчеркивается инверсивным и дистанцированным их расположением. В противном случае, по нейтральной норме, качественные наречия *спокойно и мирно* должны были бы контактно предшествовать сказуемому.

Таким образом, конструктивный синтаксис решает свои задачи, а коммуникативный — свои. Один незаменим другим. Их интересы разнонаправлены, подчас и противоположны.

Конструктивный синтаксис исследует и объясняет строй языка в его историческом становлении и синхронном состоянии, в совокупности наработанных им средств выражения на соответствующий момент истории, пригодных для целей коммуникации.

Коммуникативный же синтаксис раскрывает функционально-речевые, функционально-стилистические возможности языка как историко-грамматической данности. Поэтому коммуникативный синтаксис — это прагматический аспект синтаксиса конструктивного (структурного).

Плодотворное исследование и преподавание коммуникативного (актуального) синтаксиса возможно лишь на прочной и надежной базе синтаксиса конструктивного (структурного).

§ 7. Синтаксическая парадигматика и синтагматика

Синтаксическая парадигматика и синтагматика — это частные случаи парадигматики и синтагматики как аспектов изучения языка в целом.

Термины, обозначающие эти общепринятые аспекты рассмотрения языка, вошли в активный метаязык лингвистики в начале XX в. под влиянием «Курса общей лингвистики» швейцарского ученого Ф. де Соссюра.

Сами же аспекты, которыми занимались и раньше, предшественниками Соссюра обозначались другими терминами (например: *язык как деятельность и результат деятельности* в толковании В. Гумбольдта, *ассоциации по сходству и смежности* у представителя Казанской школы Н. В. Крушевского и др.).

Этимологически эти слова значат: *парадигматика* от греч. *παρά* — приставка со значением *рядоположности, смежности*¹ (*около, рядом*) и *δειγμα* «образец, образчик»²; *синтагматика* — от греч. *σύν* — приставка со значением *совместности действия, соучастия, собирательности*³ и *ταγμα* «строй, порядок, очередь»⁴. Синтаксическая парадигматика представляет собой совокупность, множество сосуществующих единиц системы языка, объединенных между собой отношением субституции (замещаемости). Таковы, например, модели (типы) простых предложений в современном русском языке, типы сложных предложений, члены предложения, актуализирующие синтаксические функции соответствующих частей речи.

Все подобные модели, типы в разной степени и по разным параметрам противопоставлены друг другу в качестве единиц, образующих в языковом сознании ассоциативно связанную группу (множество). Мы говорим о безличном предложении в русском языке, поскольку в нашем языковом сознании оно и по своему грамматическому оформлению, и по синтаксической семантике, и по функциональным возможностям противостоит другим, сосуществующим с ним типам предло-

---

¹ Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь / Под ред. С. И. Соболевского. В 2 т. Т. II. 1958. С. 1234.

² Там же. С. 346.

³ Там же. С. 1546.

⁴ Там же. С. 1598.

жений — инфинитивным, номинативным, двусоставным глагольным, двусоставным именным, вокативным, количественным, сложным и т. д. Или: о сложносочиненном предложении мы говорим постольку, поскольку существуют формально противостоящие ему сложноподчиненные и бессоюзные предложения.

Термин *синтагматика* синонимичен термину *синтаксис* в его текстовом значении, в значении феномена протяженности, линейности. Поэтому терминологическое выражение *синтаксическая синтагматика* — это повтор, плеоназм, но такой, который в полной мере согласуется с методологией современного языкознания. Синтагматика, таким образом, — это линейное выстраивание единиц парадигматики, единиц языка в соответствии со стратегией, замыслом текстообразования, целями и задачами порождаемого текста (речи).

Парадигматические возможности в их системной данности не исчерпываются синтагматикой. Такова диалектика природы языка. Но именно эти возможности, эти потенции предопределяют богатство модальных оттенков, нюансов, неожиданных поворотов мысли, отношений, реализуемых в тексте (речи).

Попробуем с точки зрения двух рассматриваемых аспектов взглянуть на следующий фрагмент из «Литературных и житейских воспоминаний» И. С. Тургенева: «*Прощай! — думалось мне, — мой несравненный пес! Не забуду я тебя век, и уже не нажить мне такого друга!*»

Текст актуализирует внутреннюю речь хозяина, обращенную к любимой собаке, ставшей беспомощной и жалкой в результате потери здоровья.

Это — отрывок, кусочек повествования, нарратива. Поэтому он мог бы быть построен по нормам именно повествования. Однако писатель не делает этого, ибо такое построение лишило бы его (текст) искренности и убедительности. Для усиления эмоционального напряжения и подчеркивания реалистичности ситуации писатель диалогизирует повествование путем использования возможностей парадигматического синтаксиса, чередования парадигматически разных типов конструкций.

Открывается фрагмент одночленным императивным высказыванием-призывом *Прощай!*, осложненным вокативом *мой несравненный пес!* и соответствующим элегическому настроению автора, которое передается безличной конструкцией *думалось мне*, выражающей его (т. е. настроения) произвольность.

Обещание в верности другу облечено в двусоставное личное предложение-высказывание *Не забуду я тебя век*, за которым аккордно звучит односоставная инфинитивная конструкция *и уже не нажить мне такого друга!* с помощью которой объективируется и подчеркивается единственность, исключительность ситуации.

Содержание, вытекающее из собственно текста в его линейной протяженности, усложняется, обогащается за счет модально-семантических оттенков, вносимых синтаксическими типами конструкций в их парадигматической противопоставленности.

Таким образом, парадигматический аспект изучения синтаксиса позволяет представить сложившиеся и существующие его единицы как систему, соотношенную с определенным периодом языка, тогда как синтагматика раскрывает их (единиц) сочетаемостные, содержательные и функционально-стилистические свойства на тот же период.

Парадигматика и синтагматика при всей их разнородности и даже поляризованности предполагают и взаимно дополняют друг друга.

§ 8. Предложение как важнейшая единица синтаксиса

Предложение — универсальная и абсолютная единица синтаксиса. Все другие единицы, также относимые к компетенции синтаксиса — слова (словоформы) и словосочетания, функционируют и изменяются в предложении. Более того, они являются его образующими и составляющими. И те и другие неизменно соотносятся с предложением, вычлениваются из него в их современном состоянии и исторически либо только исторически.

Как слово и словосочетание существует лишь то, что прошло через предложение, сформировалось в нем, ориентировано на него. Это не значит, однако, что словоформа входит в предложение только через словосочетание, опосредованно.

Словоформа не только свободна во вхождении в предложение, но может сама единственно конституировать его. Таковы предложения типа *Смеркается; Морозит; Народу!* и др.

Хотя печатью этнической самобытности отмечено в языке все, особенно выделяются в этом отношении *слово* и *предложение*.

Но слово достаточно отзывчиво на давление иных культурно-языковых воздействий, не говоря о том, что оно само по себе разрушается, изнашивается, формализуется и тем самым деэтнизируется в зависимости от частоты употребления.

Предложение же несравненно более устойчиво. Оно и формируется долго и надолго сохраняет свою этнограмматическую самобытность. Именно предложение, его строй, свойственная ему внутренняя свобода или, наоборот, жесткая устремленность к завершению, может быть, являются даже своеобразным ключом к разгадке некоторых существенных сторон этнической психологии и философии.

Так, многообразие типов русского предложения, его ориентированность не только на глагольное начало, но и на другие классы слов, характерная для него автономия грамматических центров (позиций главных членов), склонность к полицентризму дают некоторый простор для вполне резонных и правомерных, хотя и опосредованных рассуждений об открытости, лояльности, терпимости, многомерности русских ментальных представлений, о добродушии, доверчивости как заметных свойствах русского национального характера. По ряду параметров, в частности по обилию именных конструкций, нарастающих в направлении от древности к новому времени, современное русское

предложение типологически отходит от генетически родственных ему западноевропейских языков и конвергируется с предложением, например, в арабском языке. Такого рода языковые факты существенны. Они открывают доступ к глубинам, по-своему питающим исторически изменчивые тенденции в этнической культуре, философии, и могут использоваться при разработке стратегии международных культурных коммуникаций, выборе методик изучения соответствующих языков.

Предложение заметно отличается в языках разных типов. Так, например, показательно то, как в предложении номинативного и эргативного строя осмысливается и представляется обычное грамматическое подлежащее.

В эргативных языках подлежащее мыслится либо как субъект *пассивный* (он не действует, но находится в определенном состоянии, испытывает состояние), либо как субъект *активный*, действующий, энергичный. Пассивное подлежащее стоит в именительном падеже, активное — в эргативном. При активном подлежащем сказуемое выражается переходным глаголом.

Следовательно, подлежащее *мальчик* в предложениях-высказываниях *Мальчик спит* и *Мальчик читает книгу*, являющееся тождественным, идентичным в языках номинативного строя, оказывается разным, не тождественным самому себе в языках эргативного строя. В последних подлежащее-субъект оказывается расчлененным, дифференцированным, конкретизированным по приписываемым ему признакам. Это то, что также имеет отношение к национальной специфике синтаксиса и далее — к этнической культуре, психологии и философии, поскольку дает иную сегментацию соответствующего фрагмента действительности.

Подобные предложения индоевропейским языкам неизвестны.

Типом предложения обуславливается и закономерности лексического его наполнения. Так, состав лексем, из которых строятся номинативное и безличное или количественное (квантитативное) предложения в русском языке, кардинально различен.

С другой стороны, и сам тип предложения, его синтаксическая перспектива предопределяются входящими в его состав словами, принадлежащими к соответствующим частям речи. И в целом связь и степень взаимной обусловленности между типами синтаксических конструкций, их лексическим наполнением, факторы, поддерживающие такую взаимообусловленность, — это отдельная малоисследованная проблема описательного и исторического языкознания. Так, во многих кавказских языках структура предложения диктуется словообразовательной структурой глагольной лексемы. Направления развертывания пространственно-временной перспективы предложения (позиции обстоятельств времени, места, совместности) заложены в морфемную структуру глагола-сказуемого¹. Некоторые рудименты (остатки) подобной соотнесенности мы находим и в современном русском языке в ряде

---

¹ Тарланов З. К. К вопросу об изоморфизме глагольно-именных формантов в дагестанских языках // Вопросы языкознания. 1980. № 3. С. 69—78; Он же. Язык ☞

случаев так называемого сильного управления, ср. глагольно-именные словосочетания (блоки) в современном русском языке: *Отойти от стола; Войти в аудиторию; Подложить под пол; Сойти сверху* и др.¹

Отношения, реализуемые между словами в предложении, характеризуются высокой степенью обобщения. Они далеки от их лексических значений, но строятся на базе их категориальных свойств. Денотативная и/или сигнификативная отнесенность слова, не влияют на структуру синтаксической семантики, на синтаксическое содержание предложения. Это обстоятельство остроумно было проиллюстрировано Л. В. Щербой в его знаменитой фразе *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка*. Слова, из которых составлена эта фраза, по их грамматике — русские. Безупречно русским является и само предложение-высказывание. В нем посредством грамматических средств русского языка выражены все синтаксические отношения, характерные для подобного типа конструкций: предикативные, атрибутивные, объектные, обстоятельственные, субъектные, модальные, залоговые. Из предложения-высказывания свободно вычлениются соответствующие словосочетания: *глокая куздра, штеко будланула, будланула бокра, курдячит бокренка*. Нет только реальных денотатов и их действий, качеств, свойств. Они замещены некими обобщенными символами, конкретизируемыми на более высоком, грамматическом, уровне, безразличном к индивидуализации.

Синтаксис, предложение еще более обобщает процесс абстрагирования языковых фактов. Такова природа единиц языковых уровней в их субординации и функционировании. Таким образом, разностороннее рассмотрение предложения как важнейшей единицы синтаксиса предполагает изучение как всех его составляющих в их исторической динамике, во взаимных связях, преобразованиях, так и самого предложения в качестве универсальной коммуникативной и грамматической единицы языка.

Все компоненты предложения и само предложение исторически изменчивы. По этой причине А. А. Потебня считал невозможным дать универсальное определение предложения, в том числе применительно и к истории отдельного языка. Тем не менее, подобных определений существует много, более 250. Так, один из выдающихся русских ученых XX в. акад. В. В. Виноградов определял его следующим образом: «Предложение — это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли. В предложении выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней говорящего»². Такое определение получило широкое распространение

↻ и культура.Петрозаводск, 1984. С. 62—68; *Он же*. О лексико-синтаксическом изоморфизме в истории языка // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 55—63.

¹ Тарланов З. К. О лексико-синтаксическом изоморфизме в истории языка. С. 55—63.

² Виноградов В. В. Введение // Грамматика русского языка. В 2 т. Т. II. Синтаксис. Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 65.

в целом в языкознании XX в., и не только в отечественном. Ср.: Предложение — это «грамматически и интонационно оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли о некоторой действительности и отношения к ней говорящего»¹.

§ 9. Основные признаки предложения

Основными признаками предложения считаются 1) предикативность, 2) модальность, 3) интонационная оформленность. Вне этих признаков в их типологическом своеобразии, зависимом от конкретных языков, нет предложения.

Сами указанные признаки также взаимосвязаны.

Предикативность в своей реализации уже предполагает модальность. То, что сообщается или выражается в определенной модальности, немислимо вне предикативности и соответствующего интонационного оформления.

Следовательно, все три признака реализуются в предложении одновременно. И это очень важно, поскольку в силу этого обстоятельства каждый из них обрывает потенциальной дополнительной способностью компенсировать, возмещать собой признак, остающийся категориально (в надлежащих формах) невыраженным в соответствующем контексте.

Таким образом, совокупная, синхронизированная характеристика основных признаков предложения и будет принципиальной его характеристикой в целом.

Предикативность признается важнейшим, основополагающим признаком предложения. Тем не менее, удовлетворяющего всех определения предикативности не существует. Чаще всего ее понимают как то, что предложение делает предложением.

Но это не снимает вопроса «А что же делает предложение — предложением?» Такой способностью наделяют грамматические категории. Например, В. В. Виноградов представляет предикативность «как совокупность таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают природу предложения как грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль»².

К числу этих категорий относят категорию лица (предикативность включает в себя персональность в положительной или отрицательной форме), категорию времени (содержание, реализуемое предикативным

---

¹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 347.

² Виноградов В. В. Введение. С. 76.

сочетанием, непременно соотносится с определенным временем либо оно панхронично).

Поскольку и личное значение (хотя и не во всех языках), и временное значение совмещаются в сказуемом, то многие лингвисты вполне последовательно склоняются к тому, чтобы свести предикативность к сказуемости.

В таком случае предикативность и определяется как сказуемость, то есть как обозначение некоего приписываемого (подлежащему) признака.

Так как сказуемое морфологически выражается прежде всего и в первую очередь глаголом, то в историко-генетическом плане грамматическими категориями, определяющими и устанавливающими природу предложения, являются категории глагольные. Но из этого не следует, что сказуемое выражается только спрягаемыми формами глагола.

В современных языках синтаксическая категория сказуемости не покрывается глаголом и глагольными категориями. В особенности это относится, например, и к современному русскому языку, в котором обильно и разнообразно представлены не только безличные предложения, индифферентные по отношению к личным и временным значениям, но и предложения именные, в которых синтаксическая позиция собственно глагольной формы даже не предусматривается. Ср. номинативные предложения.

Это значит, что по мере развития языка параллелизм, изначально существующий между категориями синтаксиса и морфологии, постепенно разрушается, и синтаксические функции соответствующих морфологических форм, расширяясь, иррадируя, переходят к другим, тем самым увеличивается, обогащается база формальных (морфологических) данных языка, способных к функционально-синтаксическому дублированию. Так наряду с генетически первичными глагольными появляются сказуемые, выраженные прилагательными, существительными и словами других частей речи.

По мере развития строя предложения, его глубины и объемности, развертывания в нем процессов субординации и централизации компонентов глагол перестает быть единственной опорой предикативности как универсального свойства предложения. Способность к предикативности распространяется и на другие классы слов, особенно в тех языках, для которых тенденция к выработке именного предложения становится одной из ведущих. Тем самым предикативность перестает соотноситься только с глаголом, реализуясь посредством форм и других классов слов, так или иначе вовлеченных в сферу глагольности.

Так складываются в русском языке, например, бессвязочные именные предложения, именные предложения с нормально незамещаемой позицией связки в настоящем времени, номинативные предложения и др. Ср.: *«Какое ты умное, и странное, и большое существо!»* – невольно думалось, глядя на него (Гоголя. — З. Т.) (Тург. Литературные и житейские воспоминания).

Фрагмент текста состоит из двух предложений. И каждое из них необычно с точки зрения материально-языковых средств реализации предикативности.

В прямой речи предикативно связаны между собой подлежащее *ты* и именное сказуемое *какое существо*. При этом для выражения предикативного отношения между главными членами существенны, во-первых, особая интонация вопросительно-относительного местоимения *какое* в роли усилительной частицы, совмещенной с ролью именной связки; во-вторых, размещение подлежащего между компонентами именного сказуемого — это норма; вынесение подлежащего на начальную позицию возможно, но нарушает норму; и, в-третьих, падежный параллелизм между подлежащим и вещественной частью именного сказуемого. Глагольная форма в выражении предикативности не участвует.

Что касается второго предложения, слов автора, то оно является безличным. В нем предикативный признак не приписывается подлежащему, а подается в качестве автономного, независимого проявления состояния.

Предикативность здесь актуализируется как будто безличной формой *думалось*. В действительности дело обстоит намного сложнее. Во-первых, сама по себе эта форма недостаточна для выражения предикативности (предложение, состоящее только из *думалось*, по смыслу не закончено); во-вторых, препозитивно расположенное приглагольное качественное наречие *невольно* также не придает законченности предикативному отношению (при постпозиции наречия, правда, положение меняется); в-третьих, смысловая завершенность предикативного отношения оформляется с помощью деепричастного оборота, замыкающего предложение; в-четвертых, этого опять-таки недостаточно: по предикативно оформляемому смыслу второе предложение (слова автора) неполно без первого предложения — прямой речи. Таким образом, предикативность как бы рассеяна по микротексту. Формально опорные слова выражения предикативного отношения не всегда оказываются самодостаточными содержательно, по смыслу. Отсюда следует, что нередко предикативность — это аккумулируемое, конвергируемое свойство предложения, которое строго не привязано к тем или иным классам слов.

Еще один пример, но уже другого плана: *Оживленное созерцание, участие искреннее, незыблемая твердость дружеских чувств и радостное поклонение поэтическому — вот весь Плетнев* (Тург. Лит. и жит. восп.).

И в данном случае предикативность реализуется без участия глагола в сказуемости. Но позиция его не пустует. Она заполнена субстантивом в именительном падеже в сочетании с указательной частицей. Тем самым соотношения падежного параллелизма, интонация, порядок расположения слов, последовательность синтагм, из которых состоит целое, — все это вместе участвует в созидании того синтаксического феномена, который называется предикативностью.